

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Николай ЕРЕМЕНКО:

«ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПЫТАТЬ СЕБЯ»

Кое-кто считает, что у него счастливая творческая судьба. Николай Еременко-младший действительно очень популярный актер. И феномен популярности, очевидно, заключается в том, что актер несет в себе некий идеал. Звезда Еременко-младшего взшла как раз в тот момент и для тех зрителей, чьи представления о современном герое совпали с личностью этого актера. Ему 33 года. А за плечами очень много ролей. Озорной машинист Колька в «Ливне», революционер Максим Литвинов в «Побеге из тюрьмы», белый офицер в «Трактире на Пятницкой», скромный Алеша в фильме «У озера», отчаянный лейтенант Дроздовский в «Горячем снеге» и не менее отчаянный механик Веремеев в «Пиратах XX века», Жюльен Сорель в «Красном и черном» и сложный, загадочный Меньшиков в фильмах «Юность Петра» и «В начале славных дел». На проходившей в Минске Всесоюзной неделе-смотре работ молодых кинематографистов Н. Еременко присутствовал в несколько необычном качестве: он был членом жюри.

— Если учесть, что сами вы так же молоды, как и те, кто представляет здесь свои фильмы, то эта роль несколько неожиданна...

— Я действительно первый раз выступаю в такой роли. Это редкая и счастливая возможность, когда удается посмотреть вот так сразу многие картины своих товарищей. Это интересно и сложно одновременно. Интересно потому, что есть возможность увидеть поиск, духовный и художественский, представителей моего поколения, осмыслить постижение нашего времени моими сверстниками. А сложность, очевидно, в том, что разобратся в проблемах такого количества фильмов сразу трудно и утомительно. За несколько дней мы просмотрели много фильмов. Хочется отме-

тить высокий профессиональный уровень работы молодых.

— Кажется, совсем недавно был и ваш дебют. В фильме «У озера»...

— Нет, дебют состоялся несколько раньше. Это были большей частью «милицейские» фильмы. Но, конечно же, первая серьезная роль, хоть и маленькая, была в фильме С. Герасимова. Тогда я был студентом второго курса ВГИКа. И с тех пор запомнил одно правило: надо не только много работать, но любить много работать. Я люблю свою профессию, не собираюсь ей (по крайней мере пока) изменять, как делают многие актеры сейчас, уходить в режиссуру. Люблю много работать. Считаю, что нет ролей проходных.

— А ваша роль в «Пиратах XX века». Вопрос об этом фильме не случаен: он «шумный» как в нашем кинематографе, так и в нашем творчестве.

— Я не отношу этот фильм к числу значительных. Но он признан зрителями лучшим фильмом года, и с этим тоже надо считаться. Роль представляла мне возможность доказать, что я могу сам справиться с многочисленными трюками. Ведь это тоже элементы актерской профессии. Поэтому я отказался от каскадеров. Ну, а если учесть, что механик Веремеев — это воплощенное представление о мужестве, долге, чести, мужском достоинстве, то эта роль, несомненно, что-то дала мне.

Хотя, конечно, хочется, чтобы зритель присуждал премии не за то, что я прекрасно плаваю, а за актерскую игру. После этого фильма мне приходилось сталкиваться с предложениями на

роли, подобные этой. Отказывался. Интерес к такого рода работе исчерпался.

— Ваш «послужной список» очень богат. Но как-то особняком стоят две роли — Жюльен Сорель и Меньшиков.

— Это большая литература. До ее уровня трудно подняться, но не менее трудно потом и спускаться. Впрочем, подняться до такого уровня, наверное, невозможно. Да и сценарии всегда уступают первоисточникам. К этим ролям нужна серьезная и длительная подготовка. Например, Жюльену я отдал семь лет жизни. Это тит характер, который интересен во все времена. Жюльен — это классический, непревзойденный эгоизм, доходящий до эгоцентризма. Мне всегда казалось, еще когда играл эту роль на сцене ВГИКа и на сцене театра киноактера, что я смогу постичь его хотя бы потому, что он мой ровесник.

— После прочтения сценария с чего для вас начинается работа над образом?

— Это каждый раз происходит по-разному. К Жюльену готовился, читая старые книги, изучая гравюры. Но ничего не произошло, пока не побывал во Франции, в тех местах, где жил мой герой. Не знаю, что помогло — дух ли Франции, атмосфера ли, — но именно тогда я почувствовал его в себе. Роль эта мне далась с величайшим трудом. Я и потом никак не мог расстаться с Жюльеном, всегда чувствовал его в себе. А вот с Меньшиковым было по-иному. Я не могу назвать ту «точку», с которой он стал моим. Но это был именно мой Меньшиков.

— Вы представитель «школы Герасимова». Каково ее кредо?

— Для меня оно — в словах Сергея Аполлинарьевича: «В наш космический век искусство должно быть неторопливым, не суетящимся. Оно должно подробно, по-философски осмысливать проблемы бытия». Школа Герасимова — это полная возможность испытать себя, попробовать свои силы, рассчитывая на взаимопонимание между мастером и учениками.

— Ваши родители — актеры. Что это повлияло на выбор профессии — естественно. А влияло ли это непосредственно на творчество?

— В самом начале — конечно. Это было необходимо мне. Сколько дома было споров, рассуждений, наставлений! И, конечно же, все это помогало, как-то давало силы, уверенность. Сейчас все иначе...

— Как-то вы признались, что после Меньшикова потребуются перерыв, чтобы отойти от этого образа. Так было и после Жюльена Сореля. А чем заполнен перерыв сейчас?

— Съемками. Как-то в кинопанораме зрители увидели меня с бородой. Этого требовала роль, которую мне предстоит сыграть в шестисерийном телефильме режиссера Горяева по сценарию Дворецкого. Для меня она необычна прежде всего в плане возрастном. Я веду своего героя от 27 до 40. Он мне чрезвычайно интересен. Интересен такой тип характера, в котором сочетается талант эгоизма и эгоизм таланта. Мой герой — научный работник.

— Вы не обижены ни ролями, ни вниманием зрителей. А как сами относитесь к своему творчеству?

— Стараюсь сохранить чувство объективности. И всегда люблю много работать.

Интервью провела

Л. САЕНКОВА.

Фото Н. Ходасевича.